

Вот и превратила ты при жизни
 В белые туманы над рекой,
 В радугу, и в солнечные брызги,
 И в седое облако с клюкой.

«Погуляй, — сказала, — как хотелось,
 Позабудь про наши калачи,
 Чтобы про дымок тебе не пелось
 И про жар в разинутой печи.

Чтобы понял, как тоскливо зверю,
 Месяцу, промоине во льдах,
 От какой невысказанной потери
 Воет ветер в зябнущих садах».

...Мне приснилось, будто я бездомный —
 Ни угла на свете, ни семьи.
 И не вытрет маминым подолом
 Полночь слезы взрослые мои.

В СУДНОЙ ТЬМЕ

Проносится Некто, неистов,
 Ни кочек не чуя, ни ям.
 И слово «суды» ненавистно
 Не только горящим репьям.

И кони стоят по уздечку
 В густой человеческой крови.
 И будто бы не было млечной
 Твоей беззащитной любви.

Ты пресен свирепству, как репа,
 А должен быть гибелью пьян.

И судной жестокости неба
 Не вымолвит «Нет!» Иоанн.

* * *

А если Бог, как воин, страшен,
И битва — весь его Завет,
Что ему мирный хлебопашец
И раб соплей своих — поэт?

* * *

— В колодки взяты христиане,
Под ноги брошены зверью,
В кулацком солены чулане...
— Твою отчизну узнаю!

— Не ясно, что там будет завтра,
Но ты сегодня дал пожить
Всем упырям, злодеям, катам...
— А кем еще здесь дорожить?

* * *

Ростовщики и обдиралы,
Гибриды нагов и людей
Внесут и в святцы, и в анналы,
Распятных выпишут гвоздей.

Цари от шпоры и до рога —
Их коронует небосклон,
И даже наша вера в Бога
Им служит лучше, чем закон.

Все для мощны у них и глотки,
Все — для хвостатого Жреца.
...И до сих пор Ты смотришь кротко
Из-под кровавого венца?!

И я себя считаю хуже
И виноватей, чем они?!
И первобытный, дикий ужас
Труды крушит мои и дни...

* * *

Накрыли дерюгой ребристую клеть,
А птице б на волю — лететь и лететь!

Но молит она, поднимая глаза:
— Снимите накидку хотя б, небеса...

Не так ли душа у высокого дня
Все клянчит: — Сорви мешковину с меня.

Да разве поверят и жизнь ей, и смерть:
Душе бы на волю — лететь и лететь!

* * *

Осень по листве проходит мором —
Ни души зеленой не спасу!

И становится виднее город,
Что как будто прятался в лесу,
А теперь осознает острее,
Как он тут совсем не ко двору...

Неужели тоже я старею —
И потом отверженно умру?

* * *

И я забуду про цветы.
Про дождик за паромом.
Ведь впереди один лишь Ты —
Ни хлева там, ни дома.

Прощайте, кнут и шаткий тын,
И хруст соломы ломкой...
А раб Тебе я или сын,
И спрашивать неловко.

ИЗ ДЕТСТВА

Лучи пронизывают клюню
И золотистого коня,
Стога высокого июня,
Реку и мальчика — меня.

И только землю не пронзают,
Еще и робки, и слабы —

Ее не сказочное знание
И не хрустальные гробы.

* * *

Поплыву за перелетным клином —
Вот гора, которой тоже снюсь,
Вон за цепкой полосой маслинной
Кружит, как Солярис, Белолуцк.

Дальше, дальше, меловые мили!
Легче, мой вожак, на вираже!
Только здесь мы, кажется, и жили,
А не снились Богу и душе.

ПЛАЦКАРТ

Замирье дымчатых погостов
И люди — горькие миры,
Недогоревшие бересты,
Неевропейские дары.

Страна плывет в пятне вагонном —
Хлебай лаптем за видом вид,
Тони во сне ее бессонном, —
Лишь дробно ложечка звенит...

* * *

В пригоршню солнышко берет
Не каплю, не слезину,
А маму с небом у ворот...

И западает в зиму.

* * *

Как заплачу, как завою,
Свешу руки-рукава
В бороздье судьбы кривое,
Где одна разрыв-трава.

Где одна не рута-мята,
Не апостола пята,
Не запевная заплата —
Только смерти широта.

Эх, запой да стихни, мать,
Породни с вины вином.
Я не мытарь, чтоб имати
Выгоду, где все — вверх дном.

Я не гад. Я не иуда...
Жаль, что чуда нет и нет!
Жаль, что воя-слез полуда
Застит черный белый свет.

* * *

Бочаги... Папоротник дышит
Душой и тайной живших здесь, —
Он и меня вдруг заколышет
И полыхнет — мне град и весь.

Звезда, впечатавшись в межбровье,
В свое истечье уведет,
Где мы траву мешаем с кровью
И получается — народ.